

Вспомнить всё 1920-е

Как жило национальное большинство нашего города? Какова была мода и какой автомобиль первым проехал по гомельским улицам? Продолжаем неофициальную историю по воспоминаниям Ефима Рубцова...

КАК ЖИЛО НАЦИОНАЛЬНОЕ БОЛЬШИНСТВО

По данным 1926 года, в Гомеле проживало около 86 тысяч человек. Из них 40 процентов евреи, 32 - русские и белорусы, около 10 процентов - поляки и столько же украинцев. По социальному составу 37 процентов горожан являлись служащими, 28 - рабочими, 20 - иждивенцами, в том числе прислугой, 15 процентов составляли частники и домовладельцы. Около пяти тысяч были безработными. При этом еврейская часть населения жила в центре города. Русские и белорусы занимали гомельские окраины, как правило, имели небольшие участки земли, держали домашний скот, разводили сады и обрабатывали огороды. Немного остановлюсь на быте евреев, так как жил среди них и дружил с Ицеком, Зямой, Яшей, Анцелом и Мишей.

В интеллигентных еврейских семьях - у врачей, юристов, музыкантов, советских служащих - в квартирах царил идеальная чистота. Крашенные полы, сверху покрытые лаком, полированная мебель, шёлковые шторы, дорогие ковры, отделка стен панелями под дуб или орех. Помню, с товарищами зашли к Арону Кольникову, так мы боялись и шаг сделать в прихожей.

В домах еврейской бедноты на окнах занавесок не было, и все стёкла покрывали мушиные следы. В комнатах - старая мебель и прогнившие полы с дырами, из которых то и дело показывались

крысы. Дворы никогда не подметались. Калитка и ворота, если они только были, стояли перекошенными, часть досок выломана. Во дворе редким был сарай. Евреи, как правило, не держали скота, собак и кошек, разве только кур. Когда я переходил железную дорогу и попадал на улицу Ветреную (ныне Гагарина), то как будто оказывался в другом мире - трущоб и разрухи. Таков же был и Кательный ров (ныне место от улицы Пролетарской за Дворцом спорта и облисполкомом до улицы Интернациональной). Мне кажется, что это было показное стремление продемонстрировать бедность, подчеркнуть её. Я видел, как одевается еврейская молодёжь, дети и старики, чтобы пойти в парк, кино или синагогу. Это был писк моды. Они выходили в золотых украшениях, надушенные, с тросточками. Я видел, что еврейки покупали на базаре телятину, свежее масло, молодых курочек, диетические яйца и даже щучек для фаршировки. У меня нет никакого предубеждения к евреям как к нации. Мой двоюродный брат Фома женился на еврейке, двоюродная сестра вышла замуж за еврея. Я преклоняюсь перед их общительностью, добротой, готовностью помочь, незлопамятностью и дружелюбием. Верно, что они шумливы, экспансивны - особенно женщины и дети, которых евреи очень любили и заботились о них самым трогательным образом. Часто можно было слышать: «Буся, ты хочешь кушать?», «Зямочка, идём скоренько кушинкать», «Яшенька, иди бегом попей парного молочка». Характерно, что мужчины-евреи не пили водки и даже вина, а о женщинах и говорить нечего. Как-то я был у еврейской семьи в гостях, и

они только мне налили рюмочку «пейсаховки» - еврейской водки. Через открытые окна летом видно было, как еврейские мужчины прикрепляли на лоб и руку при помощи ремешков молитвенный чёрный кубик, тфилин, и, сложа руки на груди, громко читали молитвы. Массовое посещение синагоги происходило только в крупные религиозные праздники. В городе работал еврейский национальный театр, который располагался недалеко от кинотеатра имени Калинина. Помню, как там ставили спектакль «Тевье-молочник».

Ефим Рубцов с сестрой
Ульяной и её подругой

НА ЛУГУ ПАСУТСЯ КО...

В 1926 году город был передан БССР. В школах ввели преподавание белорусского языка. Некоторые школы стали полностью белорусскими. Интересно заметить, что в городе никто не говорил на белорусском языке. Горожане считали его «деревенским». Иногда в Гомеле можно было наблюдать любопытную картину: идут два хорошо одетых человека и говорят

на отличном белорусском языке - все на них с любопытством оглядываются и обмениваются недоумевающими взглядами.

В конце 20-х годов в шесть часов утра горожан будил басовитый гудок железнодорожного завода имени Ланцутского. В шесть тридцать раздавался повторный гудок - «выходи», и в семь часов гудок - «начало работы». Для жителей, имеющих коров, в окрестностях города были выделены четыре пастбища. Одно - Полесское - на северной окраине, второе - на берегу реки недалеко от Монастырька, третье - у деревни Волотова на северо-восточной окраине города и четвёртое - по дороге на Прудок в районе аэродрома. В среднем коровы давали 16 литров молока в день. Вечерами по улицам торжественно двигались стада коров. Хлопал бич пастуха, раздавалось поочерёдное «му-у», и при косых лучах заходящего солнца, пронизывающих облака пыли, по всей ширине улицы устало двигались коровы, постепенно разбредаясь по дворам. Потом увеличили налоги, урезали пастбища, и мы продали корову.

ПОМНЮ «РЕНО» И КИНОВАГОНЫ

Через реку, чуть в стороне от парка, был сооружён наплавной разводной мост, ниже по течению - железобетонный железнодорожный. Наплавной мост разводили по расписанию при прохождении пароходов, а также в период весеннего половодья, когда его растягивали вдоль берега и укрепляли.

В парке под обрывом находилась лодочная станция, а рядом детский пляж. Всё лето на километр-два вдоль берега стояли плоты, с которых гомельчане ловили

рыбу. За железнодорожным мостом ниже по течению располагалась городская мойка. Там всегда былолюдно, раздавались сочные звуки вальков, плеск воды и говор женщин.

В летнее время семьи горожан катались на больших лодках по реке. Брали с собой самовары, провизию, часто крепкие напитки и с песнями направлялись на Мельников луг - остров в двух-трёх километрах от города. Там была прекрасная дубовая роща и отличные большие лужайки.

Кроме кинотеатров, горожане пользовались услугами кинопередвижек с ручным мотором, а в некоторых школах, кроме ручных киноустановок, были киновагоны для просмотра фильмов. Помню, у кого-то из обычных горожан появился первый автомобиль, по-моему, это был «Рено» с деревянными спицами в колёсах. Ребятишки бегали за ним и бросали под колёса прутья и камешки.

ПЯТЬ МИНУТ ЛЕНИНА

21 января 1924 года - день, когда узнали о смерти Владимира Ленина. Вечер, мороз, в квартире полутьма. Взрослых дома нет, мы, дети, одни и знаем, что сейчас будут хоронить Ленина. И вот раздались гудки заводов, за ними загудели паровозы. Казалось, что стонет весь город. Так продолжалось минут пять, а мы стояли и молча смотрели в заледеневшие окна кухни. Через несколько лет в школе по приказу директора была установлена минута памяти Ленина. Школьники вставали среди урока, в классе была торжественная тишина, потом гудки заводов начинали салют.

Сначала на церемонию отводилось пять минут, потом ограничились двумя.

Из детства помню, что отец выписывал журнал «Металлист», внимательно и неоднократно перечитывал его, делал вырезки. Получал он юмористический журнал «Смехач» _ и две газеты «Полесская правда» и «Рабочая газета». Периодику отец читал вечерами после работы, при этом бросал матери короткие реплики, на которые та отвечала: «А-ах, всё в воле Божьей». «Смехач» папа читал вслух, мать улыбалась, а мы помогали ему хохотом. Запомнилось стихотворение из журнала: «Под маской леди, краснее меди торчали рыжие усы...», к строкам был приложен рисунок, изображающий женщину с рыжими усами.

КРАСНЫЕ ГАЛОШИ

В середине двадцатых годов в магазинах появилась обувь марки «Скорород» и галоши марки «Красный треугольник». Женщины носили ботинки: высокие, почти до колен или невысокие с гетрами из тёплого сукна. Повседневные женские туфли были на низком каблуке, а выходные - «лодочки» - на высоком. Спортивные туфли на резиновой подошве девушки зашнуровывали длинными шнурками, причём шнуровка опоясывала ноги до самых колен. Мужчины форсили в гамашах, походивших на короткие гетры, из тёплого материала на пуговицах. Молодые парни - модники - красовались в крагах. Жёсткие трубнообразные краги напоминали голенища, которые плотно обхватывали икры и спускались к ботинкам, прикрывая их верхнюю часть. Застёгивались краги на икрах ремешками с пряжками. Носила молодёжь брезентовые туфли белого цвета, которые ежедневно обновлялись разведённым зубным

порошком. К ним полагались широкие белые брюки.

В магазинах выбор детской и взрослой одежды был невелик. Ателье не было, и шитьём занимались либо монашки, либо женщины на дому. Верхняя одежда шилась на вате или стёганой подкладке. Пальто выходное - суконное или шерстяное - изготавливалось на заказ, а обычное, в том числе ватники, приобреталось в магазине. меховые шапки носили только взрослые, да и то интеллигенты либо служащие.

Состоятельные женщины вместо перчаток надевали меховые муфты. Детям одежда шилась на вырост, поэтому полы пальто были до щиколоток, а рукава закрывали пальцы. Мальчики до 4-5 класса носили короткие штанишки и чулки.

КУЗНЕЦЫ В «ТРОЙКАХ»

Для работы в кузнице отец носил коричневый кожаный фартук

длиною до колен. В праздники надевал костюм-тройку, который шил сам, а иногда и манишку с галстуком. Через жилетку по тогдашней моде тянулась серебряная цепочка с часами «Павел Буре». Такие часы диаметром около 10 сантиметров выдавали на железной дороге машинистам. Иногда на выход отец надевал ручные часы с чугунным корпусом, заводным ключиком и красивой фигурной решёткой, предохраняющей часовое стекло от повреждения. Упомяну особенности ношения нижнего белья. Мужские трусы одевались в основном для занятий спортом. Нижней одеждой была майка, доходившая до колен, которая заменяла ночную рубашку. Женщины носили панталоны - широкие и длинные трусы до колен с завязками на поясе. Роль бюстгальтера выполнял лиф, но выполнял не очень удачно, так как не был облегающей формы.

Мужчины в первой половине двадцатых годов надевали ремни шириной около двадцати сантиметров с двумя-тремя рядами отверстий. Пряжка ремня имела два-три запора в виде гвоздиков. В моде были синие фуражки-ка-питанки с большим лакированным козырьком и фигурным ремешком в гармошку. Молодёжь носила футболки - трикотажные рубашки с длинными рукавами и отложным воротником. Ворот рубашки зашнуровывался длинным шнурком, иногда цветным.

Продолжение следует...

**Подготовил
Дмитрий ЧЕРНЯВСКИЙ, «ГВ».
Фото из архива Александра ЛАСИЦЫ.**